

О. В. Кочукова*

**КРЕПОСТНОЕ ПРАВО И КРЕСТЬЯНСКАЯ РЕФОРМА 1861 г.
ГЛАЗАМИ БЫВШЕГО ДВОРОВОГО ЧЕЛОВЕКА Ф. Д. БОБКОВА**

КРЕПОСТНОЕ ПРАВО и история его отмены в России, безусловно, относились к числу тем, в наибольшей степени интересовавших тех современников, которые задумывались над историческим значением эпохи и старались запечатлеть свой жизненный опыт на ее фоне, то есть, мемуаристов. Интерес к мемуаристике устойчив, есть яркие опыты научных обобщений и методологических наблюдений о работе с этим видом источников¹. Ценность мемуаров в настоящее время связывается не только с фактической стороной сообщаемых сведений, но с пониманием высказанных авторами оценок, сама субъективность которых интересна и дорога исследователю. Мемуары, по наблюдению А. Г. Тартаковского, оставляют свидетельства «исторического самосознания личности»². Между тем, отражение крестьянской реформы 1861 г. в сознании современников и, в частности, определение возможностей мемуаров как вида источников в данном исследовательском направлении, – тема, еще далеко не проработанная в исторической науке. К тому же, среди изученных историками мемуаров воспоминания крестьян – явления единичные. Видимо, малочисленность сохранившихся воспоминаний крестьян только усиливает важность их досконального изучения. Проявлением современного исследовательского интереса стала публикация сборника воспоминаний крестьян XVIII – первой половины XIX в. и оригинальная вступительная статья, написанная В. А. Кошелевым³.

Дискуссионность вопроса об эффективности крепостного хозяйства и доходности труда крепостных, получившая отражение в известном труде Б. Н. Миронова, повышает актуальность изучения воспоминаний крепостных крестьян. Интересно то, что Б. Н. Миронов признает роль пробуждения самосознания у крестьянства в качестве одного из факторов отмены крепостного права⁴. Крестьянские мемуары – один из лучших источников для реконструкции этого фактора.

Крестьянским мемуарам свойственны некоторые особенности. Как отмечено В. А. Кошелевым, крестьянские воспоминания – «это не правило, а исключение в крестьянской обыденности»⁵. Осознание исторической ценности воспоминаний о

---

* Кочукова Ольга Викторовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского.

¹ См.: Тартаковский А. Г. 1812 год и русская мемуаристика: Опыт источниковедческого изучения. М., 1980; Он же. Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX в.: От рукописи к книге. М., 1991; Он же. Русская мемуаристика и историческое сознание XIX в. М., 1997.

² Тартаковский А. Г. 1812 год... С. 24.

³ Воспоминания русских крестьян XVIII – первой половины XIX в. / Вступит. ст., сост. В. А. Кошелева. М., 2006; Повесть о том, как один мужик... Предисловие В. А. Кошелева. С. 5–30.

⁴ См.: Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.): В 2 т. Т.1. СПб., 2000. С. 400–408.

⁵ Повесть о том... Предисловие В. А. Кошелева... С. 8.

своей жизни для крестьян, как правило, становилось возможным в исключительных ситуациях. И чаще всего авторами воспоминаний были те крестьяне, которые изменили свой статус, то есть, перестали быть крестьянами. Кроме того, существуют еще и определенные источниковедческие проблемы, связанные с установлением достоверности авторства, выявлением редакторских правок, сделанных при первых публикациях и т.п.

Один из весьма интересных образцов крестьянской мемуаристики эпохи освобождения крестьян – «Записки бывшего крепостного человека» Ф. Д. Бобкова (1831–1898). Впервые записки увидели свет в 1907 г. в «Историческом вестнике»⁶. Их публикатором был М. Ф. Чулицкий (автор нескольких собственных мемуарных очерков), который сделал извлечения из бумаг, бывших в его распоряжении, исключив заметки лирико-поэтического характера. В издании воспоминаний крестьян, подготовленном В. А. Кошелевым (2006 г.) упоминается, что автограф записок не обнаружен.

Содержание записок нередко вызывает удивление. Поражают хорошая осведомленность автора о бытовых и политических явлениях эпохи, осознанный интерес к исторически важным ее моментам, проявленные литературные способности, а также тот факт, что среди лиц, с которыми Ф. Бобкова сводила судьба, были М. П. Погодин, М. Н. Катков... У исследователя вполне может возникнуть вопрос о достоверности «крестьянского авторства» либо о степени «вмешательства» в текст первого публикатора. Но ряд характерных штрихов и особенности авторского мировосприятия (от описания бытовых подробностей службы лакея в московском дворянском доме до оценок политических событий 1860–1870-х гг.) утверждают мнение о подлинности источника. Скорее всего, поразительная содержательность записок Ф. Д. Бобкова объясняется спецификой взгляда человека не совсем обычной по социальным обстоятельствам и культурным влияниям судьбы. Наибольшее значение при этом, видимо, имели смена социально-бытового уклада жизни в уже достаточно сознательном (14–15 лет) возрасте (переезд из крепостной деревни дворян Глушковых в господский дом в Москве в качестве дворового слуги), а также грамотность, открывшая дорогу развитию природных способностей к умственной деятельности, впоследствии – некоторые жизненные обстоятельства. В числе последних знакомство с артистом Малого театра⁷, снимавшего квартиру в доме Глушковых, служба по найму в известных домах Москвы, прислуживание на торжественных обедах и т.п.

Особенность записок определяется еще и тем обстоятельством, что описание событий до 1852 г. носит характер воспоминаний, а с 1852 г. оно приобретает черты дневника. С 1852 г. появляется подробность в употреблении дат и детализация сведений⁸. Тем не менее, Бобков не вел периодической фиксации событий. В записках сохранилась и информация о том, как к ее автору пришла мысль вести дневник (это был случай: полученный в подарок календарь, на пустых страницах которого кем-то были сделаны личные записи⁹).

Содержание записок Ф. Д. Бобкова представляет особый интерес для исследователя в связи с тем, что в них можно обнаружить, во-первых, образ крепостного права как социального явления, и, во-вторых, отражение в сознании бывшего крепостного человека крестьянской реформы 1861 г.

⁶ Исторический вестник. 1907. № 5. С. 446–474; № 6. С. 734–764; № 143–164.

⁷ Артист Малого театра И. В. Самарин (1817–1885).

⁸ См.: Бобков Ф. Д. Из записок бывшего крепостного человека // Воспоминания русских крестьян... С. 601.

⁹ Там же. С. 586.

Текст записок позволяет сделать вывод о том, что понимание крепостного права как гнетущего явления, ограничивающего свободу и потому возмущающего, зарождается в сознании Ф. Д. Бобкова только после переезда в Москву и, в значительной степени под влиянием литературного чтения. Типичные «сцены крепостного права» в воспоминаниях о жизни подростка в деревне отсутствуют. Деревня Крапивново осталась в сознании Бобкова дорогим воспоминанием детства, в котором запечатлелись игры ребят и уважение к крестьянскому труду. Обращает внимание описание сенокоса, участие в котором для подростка было не подневольной повинностью, а, скорее, радостью и ощущением полноты жизни. «Косьба сена, какая это чудная работа. Все работу эту любили, и во время покоса и мужчины, и женщины наряжались в лучшие одежды, как в праздники... Я до сих пор с удовольствием вспоминаю эту работу»¹⁰. Крестьяне деревни Крапивново в изображении Ф. Д. Бобкова не выглядят ни измученными непосильным трудом, ни даже бедными. Его отец занимался торговлей, мать была грамотной¹¹. Разумеется, здесь нужно отметить, что обстоятельства, в которых прошло детство автора записок, не были типичными: сказывалось и положение оброчной деревни, и распространенность отходничества, и к тому же, старообрядчество населения. Кстати, описание официального давления на старообрядцев и образ станового пристава, разгонявшего их собрания, пожалуй, единственное «темное пятно» воспоминаний детства. «Страх станового» был связан с исполнением общественных повинностей (к примеру, Бобкову мальчиком приходилось дежурить на ярмарке при арестантской избе, куда сгоняли «пьяных и буянов»)¹².

Видимо, немалую роль играло и то обстоятельство, что дворянской усадьбы поблизости не было, Глушковых («барина») практически не видели в деревне, а личность управляющего, бурмистра Зиновия Васильева вызывала всеобщее крестьянское уважение (с новым бурмистром, по словам Бобкова, ситуация изменится в худшую сторону). Список мероприятий, организованных бурмистром Васильевым, выглядит достаточно внушительно: это и борьба с пьянством, и организация «общественного магазина» (склада, из которого в случае необходимости могли получить помощь), и общественных работ по строительству дорог, и даже попытки обеспечения противопожарной безопасности. Все это, по словам Бобкова, при «отменной организации дела, отсутствии недоимок и неисправных плательщиков»¹³. Важно то, что автор записок понимал некоторую нестандартность ситуации, признавая, что другим крестьянам жилось хуже или то, что «наша деревня была более цивилизованной, так как мы жили ближе к фабрике»¹⁴. Перед глазами подростка был и менее привлекательный образ деревни Чернякино, где он какое-то время жил у дяди. Но, возможно, образ крепостного права, сложившийся в сознании Бобкова впоследствии, уже после знакомства с «барским домом», и под влиянием обширного литературного чтения, настолько не совпадал с воспоминаниями детства и отрочества, что это требовало каких-то объяснений. Интересно также отметить, что пристрастие мальчика к обучению грамоте объяснялось не в последнюю очередь и соображениями материального характера: грамотность делала его уважаемым человеком и поощряла надежды

¹⁰ Бобков Ф. Д. Из записок... С. 583.

¹¹ См.: Там же. С. 575–577.

¹² См.: Там же. С. 583.

¹³ Там же. С. 579–580.

¹⁴ Там же. С. 582.

на материальное благосостояние («ходить в красной рубаше и плисовых штанах»)¹⁵.

Ситуация жизни «у господ», в городе, в описании Ф. Бобкова, принципиально отличается от жизни в деревне. В сознании мемуариста запечатлелись первые наблюдения новой жизни: большой штат прислуги, отвыкшей от крестьянского труда и крестьянского образа жизни («...пока здесь храпят, в деревне самый плохой ткач успел уже наткать миткаля аршин 6, не меньше»¹⁶), роскошь господского быта, впервые осознанный огромный социальный разрыв в уровне благосостояния (сравнение стоимости деревенской избы и цены барской шубы), морально предосудительные либо несправедливые действия господ. Собственно, с этого момента в записках появляются и «сцены крепостного права», к примеру, сдача в солдаты за неповиновение, унижительность некоторых приказаний и т.п. Впрочем, по-прежнему, описание случаев жестокого обращения с крепостными людьми, как и сопротивления с их стороны, встречается в основном в применении к «*другим* господам» («Да, плохо *другим* крепостным приходилось!»¹⁷) (курсив мой. — О. К.).

В доме дворян Глушковых Ф. Д. Бобков получил возможность дальнейшего умственного развития: «барыня» (М. А. Глушкова) позволяла пользоваться библиотекой и впоследствии с интересом относилась к опытам его литературного творчества. Круг чтения Бобкова составили произведения В. А. Жуковского, Н. М. Карамзина, Н. В. Гоголя, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, исторические сочинения о Петре I и А. В. Суворове. Большое место в жизни занял театр, доступ в который был открыт артистом Малого театра И. В. Самариным¹⁸. Под воздействием чтения в Бобкове развились поэтичность мировосприятия и склонность к рассуждениям о вопросах, имеющих моральное и социальное звучание. «Сочинения Карамзина... меня ободряли... Ну и что же из этого, что я не барин, а слуга, думал я. В этой жизни светом и теплом солнца наслаждается и тот и другой одинаково, печали есть и у того и у другого, а в будущей жизни все будут сравнены»¹⁹.

С течением времени положение лакея Бобкова становилось все более нестандартным: расширялись его функции и привилегии в господском доме. Он писал приказы старостам, ведал покупкой припасов, читал стихи господам, ему было позволено приработки в других домах в качестве прислуги²⁰. Следует отметить зафиксированный в записках характерный факт сознания Ф. Бобкова: несовпадение социальной реальности и поведенческих решений с «книжными взглядами». Весьма типично описание случая, когда он воспользовался своим влиянием, чтобы устроить свадьбу брата на девушке против ее желания («хотя я читал “Современник” и другие журналы, был других воззрений и находил, что нельзя силою выдавать замуж, но захотел помочь брату...»²¹).

В 1856–1857 гг. Ф. Д. Бобкова захватывает одна тема, одно ожидание: слухи и размышления о грядущей воле. Автор записок все чаще проявляет интерес к политике, с особым вниманием читает «Московские ведомости», прислушивается к разговорам вернувшегося с Крымской войны «молодого барина» А.

¹⁵ Бобков Ф. Д. Из записок... С. 585.

¹⁶ Там же. С. 593.

¹⁷ Там же. С. 602, см. также с. 608.

¹⁸ Там же. С. 595–598.

¹⁹ Там же. С. 599.

²⁰ См.: Там же. С. 599–600.

²¹ Там же. С. 606.

П. Глушкова. Читаем в записках: «О войне все в один голос твердят, что начата она необдуманно»²². Настроения Бобкова 1856–1857 гг. в полном созвучии с общественным воодушевлением той поры и оптимизмом социальных ожиданий. Эти ожидания возлагались в основном на характер правления нового государя: «Государь щедрою рукою сеет добро и милости... Освободил много заключенных и возвратил многих их ссылки. Поэтому, может быть, освободит и нас. Тогда царствование его будет славное во веки веков»²³. Под влиянием общественных настроений, слухов, ожиданий в сознании Бобкова все более оформляется образ крепостного права как тюремной неволи, ограничивающей человеческую свободу. Впрочем, отдельные записи по-прежнему выдают раздвоенность восприятия проблемы. С одной стороны, отрицание крепостного права, произвола и диктата над личностью (и в этом случае Бобков мыслит категориями образованного человека), с другой стороны, понимание всей сложности социально-бытовой значимости проблем, которые могут возникнуть после освобождения. «Признаться по душе, мне лично хорошо живется. Поэтому будь что будет», – читаем в записках. А через несколько строк: «Таких господ, как моя барыня мало»²⁴. (Заслуживает внимания проявленная Бобковым способность отделить свое личное благополучие от социальных обстоятельств жизни сословия в целом: видимо, это можно считать показателем «исторического самосознания»).

Поражает глубоко и искренне прочувствованный художественный образ грядущей воли, который пришел на ум автору записок весной 1857 г.: «... купил жаворонка и выпустил на волю. Он взвился, закружился и запел. Может быть, и нас царь освободит и мы свободно взоведемся и полетим. Куда? Куда, например, я полечу?... все равно, придется оставаться у господ»²⁵.

Образ мышления Бобкова все больше не совпадал с его социальным положением, что сам «дворовый человек» прекрасно понимал. Он читает издания Искандера, которые «можно достать у студентов»²⁶. Стечение обстоятельств позволяет ему увидеть и услышать М. П. Погодина, М. Н. Каткова. Бобков прислуживал на обеде в Благородном собрании 12 января 1861 г. в честь основания Московского университета. Речь М. П. Погодина о заре крестьянской реформы произвела на него неизгладимое впечатление. «Под влиянием речей я чувствовал себя другим человеком. Мне казалось, что я расту, увеличиваюсь. Я дрожал, по жилам пробегал огонь. Я как-то поумнел, просветлел, перед моими глазами открывался какой-то широкий светлый горизонт... Вдруг неожиданный толчок в бок сбросил меня с неба на землю и заставил вспомнить, что я не студент, а официант»²⁷.

Описание событий февраля – марта 1861 г. вновь показывает чуткую отзывчивость автора на изменения общественных настроений. Действительность не совпадала с ожиданиями, а то, как была объявлена воля, не отвечало ожиданию светлого праздника, а поражало обыденностью, серостью, и как бы предвещало трудные времена. Дворовые Глушковой получили вольные заранее, 14 февраля. И уже тогда Бобков был «смущен, точно потерял что-нибудь». То, что объявление Манифеста было приостановлено до окончания Масленицы, оскорбляло. Правительственные страхи казались обидными и неосновательными: «Я знаю и

²² Бобков Ф. Д. Из записок... С. 608.

²³ Там же. С. 613.

²⁴ Там же. С. 618.

²⁵ Там же. С. 615.

²⁶ Там же. С. 623.

²⁷ Там же. С. 625.

по самому себе и сужу по своим товарищам, и убежден, что ни один человек из дворовых не уйдет без спроса даже за ворота и не станет грубить»²⁸. Весьма примечательно, что бюрократическое недоверие к сословиям-участникам крестьянской реформы возмущало и защитников дворянских интересов. Так, в воспоминаниях В. П. Мещерского отмечено как важное обстоятельство реформы 1861 г. то, что современным научным языком можно назвать отсутствием символической репрезентации властью исторически важного события. Князь Мещерский подчеркивал: не было присутствия Государя на богослужении в Исаакиевском соборе при чтении Манифеста, не было большого выхода во дворец, вообще не замечалось эмоционального всплеска радости, «общее впечатление было таково, будто искренности недоставало в настроении». Главное же, что удручало Мещерского, заслуга освобождения крестьян была «присвоена исключительно и всецело правительству», хотя, «что могло быть либеральнее, как признать целое сословие, и образованное притом, соучастником в правительственной деятельности и возвысить его общественное значение»²⁹. Но нужно сказать, от взгляда Бобкова не ускользнули и дворянские страхи весны 1861 г., усугублявшие ощущение «отсутствия праздника». Замечательно ироничное описание «старушек Дурновых», сидевших с запертыми ставнями в ожидании народных волнений³⁰.

Хотя после освобождения Ф. Бобков продолжал оставаться лакеем в доме Глушковых и исполнять прежние обязанности, но его самосознание требовало новых сфер деятельности. Прежде всего им овладела идея «высказать печатно благодарность и дать обещание жить порядочно и прилично». Фактически, бывший крепостной чувствовал ту же необходимость популяризации реформы, разъяснения ее значения обществу, которая была так понятна общественным деятелям либерально-реформаторского лагеря. Бобкова волновало, насколько разумно смогут воспользоваться освобождением крепостные, которые еще «не умели пользоваться свободой»³¹. Инициативность Бобкова в сфере общественной деятельности в 1861 г. поразительна. Он написал заметку об освобождении в «Московские ведомости» (опубликована 11 марта 1861 г.), пытался привлечь внимание интеллигенции к идее создания дома благотворительности для прислуги и организации для их трудоустройства. С этой идеей Бобков приходил к В. Ф. Коршу и М. П. Погодину. Интересно, что Погодин предложил сузить задуманное до организации артели с целью поднести хлеб-соль государю³². В 1864 г. столь же безуспешным осталось обращение к М. Н. Каткову с идеей организации «общества домашней прислуги»³³.

Через год после освобождения Ф. Бобков записал в дневнике: «Я пользуюсь свободой, и однако, остаюсь тем же самым лакеем». Объяснение он находил в укоренении социально-бытовых привычек: «Как господа привыкли к нашим услугам, без которых не могут обойтись, так и мы привыкли быть рабами и сидеть на их шее, не заботясь о будущем... Нет у нас ни предприимчивости, ни энергии»³⁴. Эти грустные размышления, тем не менее, не перечеркивали значения реформы 1861 г., которой он посвятил не одно стихотворение. Их рефрен: ре-

²⁸ Бобков Ф. Д. Из записок... С. 626.

²⁹ См.: Мещерский В. П. Воспоминания. М., 2001. С. 82–83.

³⁰ См.: Бобков Ф. Д. Из записок... С. 628.

³¹ Там же.

³² Там же. С. 631.

³³ Там же. С. 637–638.

³⁴ Там же. С. 633, 637.

форма дала осознать и почувствовать себя человеком («какое счастье для человека свобода»).

Крестьянская основа склада личности и мировоззрения Бобкова не позволяли никаким политическим влияниям разрушить монархических убеждений. Освобождение крестьян устойчиво связано в сознании Бобкова с благодеяниями Царя-Освободителя. «Царь наш православный с нас свалил тяжелый крест», — пишет он в стихотворении. Одно из них автор даже посылал министру двора и получил благодарность от императора³⁵. Радикальные общественные настроения 1860–1870-х гг. Бобков подвергал осуждению. В начале 1860-х гг. он ополчился необоснованных надежд крестьян на получение помещичьей земли и считал это инсинуацией «злонамеренных людей». В студенческих волнениях 1861 г. он видел «крик, безобразие и ругань». Демократические идеи народного просвещения тоже вызывали подозрения со стороны Бобкова: он был уверен, что в школах следовало отдавать приоритет нравственно-религиозной и прикладной, практической стороне жизни³⁶.

С середины 1860-х гг. положение Бобкова изменилось. Некоторое время было нужно для того, чтобы пересилить чувство привязанности к семье Глушковых и социальную инертность. В 1865 г. он (по сообщению первого публикатора записок) стал помощником начальника станции на железной дороге, а затем занялся постройками и стал состоятельным человеком, купцом первой гильдии³⁷.

---

³⁵ См.: *Бобков Ф. Д.* Из записок... С. 641–643.

³⁶ См.: Там же. С. 632–633, 635, 639.

³⁷ См.: Воспоминания русских крестьян... Примечания. С. 751.